

носимо; такого насилия не попустит над собою ни один язык, ни один народ, кроме — кроме народа, состоящего под умственным или нравственным гнетом своих же немногих земляков, переродившихся заново на чужой почве.

Если один онемечился, изучая замечательных писателей, каких он у себя дома не найдет; если другой, по той же причине, офранцузился, третий обангличился и так далее, то могут ли все они требовать, поучая, наставляя и потешая нас, чтобы каждый из нас, вычитывая, что в них переварилось, понимал все те языки, какие они изучили сами, и чтобы мы перекладывали, мысленно, беседу их на пять языков? Коли так, то не лучше ли уж нам взяться прямо за подлинник, который, по общему закону, не должен же быть ниже подражания!

Если чужое слово принимается в другой язык, то, по крайней мере, позвольте переименовать его настолько, насколько этого требует дух того языка: он господин слову, а не слово ему! И разве чистяки наши не видят, что они, при всей натуге своей, все-таки картавят и что природный француз и англичанин выщербленного у него слова, в русской печати, никак не узнают!

Ведь и римляне всегда приурочивали и латынили усвоенное ими чужое слово, без чего не могли ни выговорить, ни написать его; то же делают и поныне все прочие народы; что же это мы, охотно обезьяничая и попугайничая, в этом случае хотим самодуром установить для себя противное правило? Этому две причины: первая — тщеславие, чванство: мы знаем все языки; другая — невежество: мы не знаем своего.

Для чего, например, сдваивать согласные: *аллопатия*, *баллотировать*, *ассессор*, *аббат*, *аппарат*, или даже *грамматика*, *аттестат*, когда это противно нашему языку и, при хорошем произношении, не может быть слышно? Если вы хотите показать, что знаете правописание на тех языках, с которых слова эти взяты, то пишите же, как иные и в самой вещи писывали: *Тээр* (*Theer*) и *маасштаб*; но тогда уважьте же и татарина и пишите не *лошадь*, а *алаша*, не *армяк*, а *эрмек*; да и не говорите более: *чай*, — съездите наперед в Кяхту и прислушайтесь, как китаец произносит слово это? Да так, что оно в русском ухе звучит *чай*, в голландском *тэ*, в английском *ти*, и т.д. Да притом и самая буква *т* произносится каждым по-своему, и никакими знаками нельзя передать этого выговора!

Но составитель словаря не указчик языку, а служитель, раб его; здесь можно сказать о всяком писателе: напишешь пером, не вырубил топором. Сколько можно было собрать этих чужих речений мимоходом, посвящая весь досуг свой сбору и обработке русских слов, столько внесено в словарь, и с умыслу не упущено ни одного. Одна часть слов этих более или менее приурочилась у нас, и собиратель не вправе выселять их по своему произволу; дело писателей покидать их и дать им выйти из обычая; другая часть, все еще нам чуждая, включена для того, чтобы противопоставить русские, отвечающие им выражения. При этом изредка и по необходимости, *только* при переводе чужих слов, случалось мне и самому прилагать и применять русские слова, не знаю, насколько удачно, а думаю, что не в противность языку, а в духе его. Но в последнее время стали запросто переносить в язык наш все слова западной Европы, перепечатывая их, без обиняков, русскими буквами; за этим не утоняешься: собрать все это недостало у меня ни сил, ни времени.

Мне случалось слышать от людей, впрочем умных и уважительных, что все это пустяки, недостойные придирки; что язык вырабатывается в господствующем духе, по степени просвещения и образования народа, а частные усилия тут ничего не могут сделать; что, впрочем, и все равно, какими словами ни объясняться; слова, по себе, условное сочетание звуков, один вещественный припас — лишь бы в том, что пишешь, был ум, сердце, душа и жизнь. На первое возражение отвечаю, что нельзя, однако, не пожалеть о таком направлении, если даже оно и господствует; на второе, что это убеждение ошибочное и вредное, как всякая ложь или ошибка: оно растлевает ум и сердце. Коль скоро мы начинаем ловить себя врасплох на том, что мыслим не на своем, а на чужом языке, то мы уже заплатились за языки дорого: если мы не пишем, а только переводим, мы, конечно, никакого подлинника произвести не в силах и начинаем духовно пошлеть. Отстав от одного берега и не пристав к другому, мы и остаемся межуемками. С языком шутить нельзя: словесная речь человека — это видимая, осязательная связь, звено между душою и телом, духом и плотью. Вероятно, в малоумном и юродивом та же душа: ума много, да вон не идет; отчего? Оттого, что